



Её звали Луиза

Альвера Албул

Альвера Албул Её звали Луиза

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70281100
SelfPub; 2024*

Аннотация

Мэри вспоминает о неделях жизни во Франции, куда они приехали всей семьей, и о знакомстве с соседями, среди которых странная и нелюдимая Луиза.

Содержание

1 глава	4
2 глава	10
3 глава	16
4 глава	21
5 глава	27
6 глава	32
7 глава	38
8 глава	44

Альвера Албул

Её звали Луиза

1 глава

Никто не скажет с полной уверенностью, что в голове у психопата, но кто-то может предположить, что в голове у человека с социальной тревожностью. В голове возникают понятия: социофобия, мизантропия или социопатия -, а перед глазами образ закомплексованного, неуверенного в себе человека. Но в действительности ли это так? Когда-то давно, когда я ещё была относительно молодой, а мои дети ещё не выросли, мы проживали в небольшом городе во Франции. Мы приехали туда из-за работы моего мужа, от его конторы нам выделили квартиру, балконы которой густо заросли плющом, из-за чего нам приходилось делить жильё с уличными насекомыми. Среди наших соседей были семейные люди, я нередко проводила время среди таких же как я молодых мам. Красные коляски с белыми колёсами тогда были на пике моды, их привозили из Италии, и каждая из нас мечтала приобрести такую – мы часто делились своими мечтами на скамейке на подъездной аллее, делились рецептами, обсуждали мужей, делились секретами воспитания детей. Через месяц я думала, что знаю всех своих соседок и их

музей, из каких они квартир, и сколько у них детей, некоторых я даже знала по именам. И я даже не задумывалась о том, что до сих пор не знаю, кто проживает в квартире номер 15, которая, что особенно удивительно, располагалась на одном этаже с нашей. В какой-то момент я даже допустила мысль, что она пустует. Но в один из летних дней я узнала, что это совершенно не так.

Стояла невыносимая жара, я не привыкла к такому, так как до этого мы несколько лет прожили значительно севернее. За время карьеры моего мужа, мы объехали всю Европу, но такого жаркого лета я не встречала ни до жизни в этом городке, ни после. Зной заставил меня надеть платье, которое едва закрывало колени, белое, с зелёным узором. Я знала, что мои соседки обязательно осудят мой внешний вид, но был человек, который с лихвой меня переплюнул. Я вышла на улицу, села на скамейку, позволив детям играть в песочнице. Рядом со мной расположилась женщина из 53-й квартиры, и мы заговорили о погоде. Я не знаю, сколько прошло времени, но к дому повернул автомобиль. Он доехал до самых стен дальнего корпуса, но не стал поворачивать к подъезду. Не знаю, чем это было вызвано, наверное, небольшой каприз шофёра. Сначала мы даже не обратили внимание на приехавшую, но потом я почувствовала не скромный толчок в бок и невольно подняла взгляд, отвлекаясь от детей, которые хотели показать мне камень, который нашли в песке. Сначала я растерялась и не знала куда смотреть, но потом

поняла, что смотрю на очень короткую жёлтую юбку. Как её ни тяни, она никогда бы не прикрыла ни то что колени, но и 2/3 бедра.

– Её зовут Луиза – она живёт в 15-й, если тебе интересно, но стесняешься спросить, – прошептала соседка.

– В пятнадцатой? – переспросила я растерянно, плохо понимая, кого я вижу перед собой, но трезвость ума быстро ко мне вернулась.

Я поняла, что совершенно без зазрения совести разглядываю девятнадцатилетнюю девушку. Её волосы были коротко подстрижены, но всё равно немного касались плеч. Они были тёмными, блестящими и казались тяжёлыми. А поверх них словно блин лежал жёлтый яркий берет. Такого же цвета была куртка, под которой была цветастая полосатая водолазка. Короткая юбка уже перестала меня удивлять, и я разглядывала кожаные коричневые ботиночки на шнуровке и плотные чёрные чулки. И только в этот момент я осознала, что же смущает меня в ней больше всего – одета она была так, словно на улице было едва десять градусов тепла, в то время, когда все вокруг изнывали от июльской жары. Я глубоко вдохнула, не веря и глазам, и чувствуя, как мне становится невыносимо жарко.

– Она сумасшедшая, ты поймёшь, – шепнула соседка, но я лишь незаметно кивнула.

Луиза была без сумки или каких-либо других вещей. Выйдя из машины, она пошла в сторону подъезда, то есть в нашу

с соседкой сторону. Шагала она уверенно, словно маршировала, с силой выкидывая ногу вперёд и так же опуская её на землю, но при этом она немного покачивалась из стороны в сторону, из-за чего возникало невольное желание сравнить её с быстро передвигающимся медведем.

Ветер трепал её волосы, но она словно не замечала его. Она словно ничего не замечала кроме двери в подъезд. Я даже подумала, что она пройдёт мимо и не поздоровается – так всё равно ей было на окружающий мир. Её взгляд не скользил по двору, не цеплялся за яркие огни, она даже не смотрела под ноги. Мне кажется, даже не моргая, она шла к подъезду думая только о нём – ничего не бороздило её ум, это было видно по лицу, и я уже была готова поздороваться с ней первой, чтобы послужить тем, что вырвет её из собственных мыслей, но, когда она практически дошла до нас, она рывком подняла левую руку над головой и громко произнесла: "Здравствуйте!", – явно обращаясь к моей хозяйке. Та, словно и не говорила про неё никаких гадостей, улыбнулась, подняла взгляд на Луизу и ответила:

– Давно тебя не было. Посмотри, у нас новая соседка?

Мне показалось, что она только сейчас заметила меня. Луиза перевела на меня встревоженный взгляд, и внутри её глаз я увидела самый настоящий ужас. Я вспомнила этот взгляд, всё внутри меня сжалось, и я была готова расплакаться, как и тогда, когда увидела этот взгляд в первый раз. Когда-то мы жили в Великобритании, непосредственно в Шотландии, там

у нас был маленький скромный дом, в котором вести хозяйство было невероятно сложно. Я не могла успеть всё разом, поэтому позволила старшему ребёнку пойти гулять одному, пока я занималась бы стиркой. Я не учла, что это дикие земли и принадлежат они не людям. Когда я уже отжимала вещи, я вдруг услышала детский крик, сразу же поняла, кому он принадлежит, и практически в ту же секунду оказалась на улице. Я не думаю, что это был волк, скорее одичавшая бездомная собака. Она кинулась на моего ребёнка, но не успела она его укусить, как в голову ей бросил камень мой муж, в это время возвращающийся домой. Я знала, что он не оставит эту собаку в покое, пусть и умоляла его просто передать собаку в питомник. Там бы ей занялись и решили бы её судьбу, но мой муж был человеком непреклонным. Он достал ружьё и направил его на собаку, которая, как мне показалось, понимала, что её ждёт гибель, и выстрелил собаке в голову. За секунду до того, как её глаза залились кровью, я увидела в них настоящий животный ужас. Он проник в меня и заставил закричать: "Нет!", – словно муж направил ружьё на меня. А через секунду, когда тело собачье повалилось в снег, заливая его алой кровью, я зарыдала. Мне было страшно за сына, я ни за что не хотела бы, чтобы собака загрызла или даже просто укусила, но убийство животного принять я всё равно не могла. И тот же ужас я увидела в глазах Луизы. Она резко опустила руку, потом нахмурилась, словно пыталась скрыть свой неоправданный страх, кивнула, громко хмык-

нув, и пробежала мимо нас, почти спотыкаясь и влетела в подъезд.

– Я же говорю, – соседка ядовито улыбнулась, ко всему теперь она могла говорить в полный голос, – она сумасшедшая.

Я не знала соглашаться или нет. Мне лишь хотелось узнать причину ужаса, который я увидела в глазах девушки. Что так напугало её? Я перевела взгляд на соседку и спросила:

– Она словно испугалась меня.

– Ага, – женщина кивнула, – она всех боится.

– Но тебя вроде нет, – заметила я, ведь Луиза поздоровалась с ней первой, и соседка, пожав плечами, заговорила:

– Не только меня, она и к тебе потом привыкнет, но дружбу водить с ней всё равно не получится. Мне вообще порой кажется, что она превосходит над собой каждый раз, когда заговаривает с кем-нибудь из нас, а иногда мне кажется, что она вообще забывает про наше существование – проходит мимо, не проронив ни слова, даже взглядом не удосужив, словно она и не видит нас, словно мы от неё за матовым стеклом.

"За матовым стеклом" – повторила я в голове.

В тот день Луизу я больше не видела, она не выходила из своей квартиры, но ближе к ночи я услышала доносившуюся от неё музыку. Она играла достаточно громко, чтобы её было несложно услышать через стену, но при этом эта музыка никому не мешала.

2 глава

Мне было интересно знать, живёт ли Луиза одна или с кем-то. Я склонялась к первому варианту, так как больше никого из 15-й квартиры не видела. Я и её видела крайне редко, и каждый раз она делала вид, словно не замечает меня. Молча, отступив сторону, она позволяла мне спускаться с детьми по лестнице первой, при этом она разглядывала пол с таким увлечением, словно никогда до этого его не видела. Я понимала, что скорее всего она боится меня как человека незнакомого и не спешила навязать своё общество, пусть всё внутри меня требовало испечь Шарлотку и прийти к ней в гости. Особенно привлекало меня то, что слушала она песни исключительно на английском языке. Я точно знала, что этот язык она не знала. Однажды я всё же решила попробовать заговорить с ней – до этого я даже не здоровалась с ней, мы всегда встречались на лестничной площадке молча. И заговорила я на английском: "Hallo, I'm Mary. And you? Are you Luisa?". Я даже не пыталась улыбаться, зная, что моя улыбка ничего не изменит. Я скорее обратилась к ней как к дикому зверьку – тихо, немного наклонившись, надеясь, что она всё же ответит хоть что-то. И она одарила меня светлой улыбкой, яркой и милой. Я даже представить себе не могла, что Луиза может так улыбаться, и от радости я невольно улыбнулась сама. Но стоило только моим губам двинуться, как она, слов-

но смутившись, вырвалась вперёд и сбежала вниз по лестнице. Я услышала, как захлопнулась дверь в подъезд. Конечно, я понимала, что Луиза не откроется мне быстро и безропотно, и я была рада увидеть её искренний интерес. Улыбка Луизы подняла мне настроение, и я весь день чувствовала себя воодушевлённой. Мои дети были слишком маленькими, чтобы заметить во мне эту перемену, а вечером за ужином мой муж, конечно же, не смог удержаться от непрошенного комментария:

– Ты сегодня сияешь словно северная звезда, – говорил он, разрезая котлету.

– Ты же знаешь про нашу соседку, – начала было я, но муж перебил меня:

– Да кто ж про неё не знает! Весь дом обсуждает эту сумасшедшую. Будь аккуратнее, Мэри, иначе сумасшедшей буду считать и тебя.

Я перестала улыбаться, так как настроение моё было испорчено. Отвечать что-либо мужу мне не хотелось. Меня оскорбило то, что он назвал Луизу сумасшедшей, но я такой её не считала. Мне она казалась одиноким, несчастным ребёнком, и мне очень хотелось понять её особенность в то время, когда все считали её умственно отсталой. Я не надеялась на то, что муж поймёт меня. Он никогда не был способен проявить хотя бы каплю уважения к моим чувствам или немного эмпатии к окружающим его людям. Луиза для него была местным сумасшедшим, которого все обсуждали.

Таким же безразличным он был и ко мне, но я всегда закрывала на это глаза. Наш брак был построен без любви и держался только на детях. Будь у меня выбор, я бы никогда не вышла замуж за такого человека. Он был жесток, холоден и, я догадывалась, искал чувственности на стороне.

– Я знаю, что ты думаешь, милая, – заговорил он вновь, – тебе её жаль, я знаю, как ты сердобольна. Отвратительная черта, тебе стоит выкорчевать её из себя.

– Я поняла тебя, – проговорила я лишь бы не оставлять его без ответа и продолжила ужин.

Понятное дело, что слова моего мужа не произвели на меня никакого эффекта. Луиза продолжала интересоваться меня как личность, и, когда мы вышли с детьми гулять на следующий день, я невольно замерла, разглядывая её. Она стояла внизу, у почтовых ящиков, держала в руках мятый жёлтый конверт, на котором было наклеено множество марок. Со стороны казалось, словно она готова в любой момент прижать письмо к груди, да с такой силой, что оно провалится внутрь. Она не шевелилась, я даже не видела её лица, но излучала столько эмоций – я представила, как должно быть стучит её сердце и какой напряжение в пальцах.

Сегодня, несмотря на то, что лето ещё не закончилось, и воздух ещё был раскалён беспощадным солнцем, она всё равно была тепло одета. Казалось, словно по утрам она одевалась, отталкиваясь исключительно от своих предпочтений, а не от погоды. На ней была аккуратная соломенная шляпа,

на которой была завязана кружевная лента.

Под подбородком скрывался крупный бант. Сверху на ней был вязанный кардиган, под ним – бежевая плотная рубашка. Она была заправлена в коричневые прямые брюки, из-под которых выглядывали чёрные ботинки. Одетая сегодня она была безвкусно, и любая из соседок обязательно бы это заметила и осудила, но я находила в этом лишь её особенный шарм. Она отличалась от большинства и не была обязана быть копией других женщин. Но мне казалось, это понимают только я и Луиза. И я, совсем забыв, что могу напугать её, перевесившись через перила, чтобы мой голос достиг первого этажа (мы жили на втором), произнесла:

– Луиза, сегодня ты выглядишь просто потрясающе!

Она дёрнулась от испуга и подняла на меня глаза, но показалось, что теперь она относится ко мне с меньшей настороженностью. Она заглянула мне в глаза и только в этот момент поняла, что говорю я это с абсолютной искренностью. И это подействовало на неё так, если бы я вытащила её на мороз нагой и облила ледяной водой. Мне показалось, что она даже забыла про письмо в своих руках. Её глаза распахнулись, она словно перестала дышать, а потом, крикнув что-то нечленораздельное, бросилась в тень под лестницу. Я поняла, что поступила неправильно, я напугала и смутила её, разрушив момент, когда она испытывала сильную эмоцию от полученного письма. Я почувствовала себя такой виноватой, что даже захотела вернуться в квартиру, чтобы не сму-

щать Луизу тем, что мы спустимся вниз по лестнице и пройдем мимо, лишая её возможности скрыться. Но мой старший сын, которому едва исполнилось десять, либо из-за возраста, либо из-за схожести с отцом, не был заинтересован в душевных переживаниях других людей. Он хотел гулять, поэтому смело шагнул вниз по лестнице, поманив за собой младшего брата. Я была этим недовольна, но не хотела заставлять детей жертвовать прогулкой ради соседки, которая для них не представляла никакого интереса. Я начала спускаться вместе с ними, и когда мы оказались на первом этаже даже не обернулась в сторону лестницы, дав перепуганной Луизе прошмыгнуть за нашими спинами и быстро подняться к себе. И стоило нам оказаться на улице, как старший из моих детей заговорил:

– Мама, почему она такая странная?

Я не стала долго думать над ответом:

– Разве? Я не заметила.

– Она словно боится тебя, хотя ты очень добра к ней, – пояснил сын.

– Луиза боится малознакомых людей, – пояснила я сыну, – но разве это странно? Когда к нам в гости приходят коллеги твоего отца, разве ты их не побаиваешься?

– Папины коллеги злые, они много пьют и ругаются, – сын нашёл объективную причину своему страху, и я плохо понимала, что должна на это ответить.

Луиза такая какая она есть, и мы должны это понимать и

принимать. Примерно так я ему и сказала, на что сын ответил:

– Папа считает её сумасшедшей.

И тут я поняла, что совершенно не важно, что я скажу. Мои сыновья видели непоколебимый авторитет в своём отце. Всё, что он делал и говорил, принималось моими детьми как истина, поэтому они оба решили подобно их отцу, что Луиза сумасшедшая, которую стоит обходить стороной.

3 глава

Через несколько дней вечером до нас вновь донеслась музыка, но в этот раз, что очень сильно меня удивило, я услышала её голос. Она пела, на ломаном английском, пытаюсь повторять произношение исполнительницы, песни которой были записаны на пластинку. Я складывала скатерти в сервант, когда она попыталась взять верхнюю ноту, и невольно улыбнулась, удивляясь тому, насколько же удивительной была Луиза. Её вокал покорила меня, пусть пела на посредственно, и я поняла, что точно и бесповоротно должна испечь какой-нибудь пирог и прийти к ней. Сейчас звучит это слишком самонадеянно, но тогда почему-то я решила, что она впустит меня. На тот момент я ещё не знала, насколько на самом деле она неприкасаемая.

Я не видела её следующие три дня и всё же решила, что мне необходимо к ней навеститься. Муж был на работе, поэтому не было того, кто мог бы начать задавать мне ненужные вопросы или пытаться оскорбить мои намерения. В тот день мы отказались от прогулки, старший в слух читал мне заданное на лето чтение, а младший играл на ковре с деревянным поездом, пока я замешивала тесто.

Когда я вышла с пирогом на лестничную площадку, мой старший сын поспешил за мной. Он очень хотел знать, кого я хочу угостить, и когда я ответила, что шарлотка пред-

назначена для Луизы, он сморщился, словно я сказала что-то по-настоящему отвратительное, и молча убежал в глубь квартиры.

Как и стояло предполагать, но моя самоуверенность меня подвела – Луиза не открыла мне дверь. Я знала, что она дома. Я услышала скрип половиц, когда она подошла глянуть в глазок, но дверь так и осталась закрыта. При этом падать духом я не стала. Я оставила пирог у порога и крикнула, чтобы Луиза могла меня услышать:

– Я понимаю, твой дом – твой крепость, мы недостаточно хорошо знакомы, чтобы ты впускала меня. Но я очень хотела угостить тебя пирогом, я оставлю его здесь. Не дай ему остыть, а то он будет не так хорош.

Я не стала долго ждать, я отказалась от этого в принципе и быстро вернулась к себе. Я закрыла дверь и припала к глазку в надежде увидеть, как Луиза всё же открывает дверь и закрывает пирог. Я простояла так несколько минут, но ничего не изменилось. Мой пирог так и стоял у двери в ожидании, когда Луиза всё же решит его забрать. Стоять дальше и смотреть в глазок я не могла, дети требовали моего внимания, и мне пришлось оставить мысли о Луизе и заняться своими материнскими обязанностями.

Я вспомнила о пироге только через несколько часов, и, когда я, всё же глянула в глазок, я увидела, что пирога моего уже нет. Но это не обрадовало меня, а озадачило – Луиза ли забрала шарлотку или же кто-то из наших соседей? В конце

концов на этаже была ещё одна квартира. Я думала об этом весь оставшийся вечер, даже перед сном я не могла думать ни о чём другом. Я была так сильно этим взволнована, что в первые в жизни столкнулась лицом к лицу с бессонницей. Мой муж не мог оставить это незамеченным, ведь в противном случае это было бы хоть какой-то радостью для меня, поэтому лёжа рядом со мной в кровати и засыпая, он заговорил:

– Что, сон не идёт? Думаешь, как заслужить расположение нашей чудаковатой соседки?

– Я выпила кофе после ужина, – ответила я, надеясь, что он поверит. Он был достаточно невнимательным, чтобы упустить из виду, пила я кофе или чай.

– Урок на будущее, – ответил он и в ту же секунду захрипел.

Я всё же смогла уснуть в ту ночь, но на следующий день чувствовала себя ужасно разбитой, а дети, словно чувствуя, что я не готова быть строгой и жёсткой, именно сегодня решили разбаловаться и расшалиться. Старший был готов в тот день вывести меня на крик, и я была готова расплакаться от беспомощности и бессилия. Чтобы хоть как-то выдержать этот день, пока муж не вернётся домой, и дети не будут приведены в чувства, я решила выйти с ними гулять раньше обычного. Я была так зла на своих маленьких вредителей, цель которых в тот день была довести меня до белого каления, что, выйдя на лестничную площадку, даже не глянула

в сторону 15-й квартиры. Втроём мы спустились на первый этаж, и я увидела, что из нашего почтового ящика торчит сложенная вдвое записка.

Пока мои дети цокали языками, притворяясь лошадьми, и рвались на улицу, я вытянула её двумя пальцами не открывая ящик. Но прочитать записку я смогла только на улице. Дети в это время уже были в песочнице, уверяя меня, что мы в ресторане, и они подадут мне лучшее блюдо (конечно же приготовленное из песка).

Развернув записку, я глянула на её содержимое. Это была всего одна фраза, но она так обрадовала меня, что я не смогла сдержать улыбку и согласилась с детьми играть в ресторан.

Тонким пером, аккуратным почерком было написано: "Спасибо за пирог. Луиза". Я спрятала записку, а когда домой вернулся муж старательно делала вид, словно этот день ничем не отличился.

На самом деле мне было очень одиноко и обидно, что мне совершенно не с кем поделиться своими переживаниями. Из-за постоянных переездов у меня не было подруг, поэтому и поговорить тоже. С мужем и сыновьями мы были совершенно разными людьми, и даже матери, которой можно было бы позвонить, у меня не было. Когда-то давно, когда мы только поженились, моего супруга вызывали по работе в северную часть Германии, и мне пришлось покинуть родную Англию. Мне было почти двадцать. И когда я всё же смогла попасть на телефонную станцию чтобы позвонить мате-

ри, трубку взяла моя тётя. Она и сообщила мне, что мамы не стало накануне. Я оставила мужа и экстренно вернулась в Лондон, чтобы присутствовать на похоронах. А после мой мир стал совершенно другим. Мама, если бы я могла рассказать тебе про Луизу, то, возможно, мне было бы хоть чуточку легче!

Но отбросим прочь лирические отступления. Тот день был прекрасным только потому, что Луиза наконец-то вышла со мной на контакт, а я ждала следующий день, хотела встретить её на лестнице и, уже ничего не боясь, с ней познакомиться.

Засыпая я вспомнила, как она поёт песни на английском языке, и в голове появилась удивительная идея, к реализации которой должна была подготовиться и я, и Луиза. Я, прекрасно понимала, что мою напористость она не простит, что она вновь замкнётся и мне придётся топить её лёд сначала, и далеко не факт, что мне бы это удалось.

4 глава

Утром, когда я помогала мужу собираться на работу, настроение моё было испорчено. Мой супруг проснулся с ужасным настроением, из-за чего решил, что оно должно быть таким же у всех окружающих. Обвинив меня в нерасторопности, он сам завязал свой галстук и с оскорблённым видом стал расхаживать по квартире в поисках своего второго носка. Дети ещё спали и это спасало меня, так же, как и мысль о том, что днём я, возможно, увижу Луизу. Муж успел придумать повод чтобы покричать на меня, чем разбудил детей, а затем ушёл на работу. Ничего необычного, наоборот – дни, когда у моего супруга было хорошее настроение, были большой редкостью. Я смотрела на своих сыновей и понимала, что они растут его подобием, а себя чувствовала отдалённой, чужой, случайно забродившей в эту семью женщиной. Поэтому в этот день я была очень строга к ним, срывалась, кричала и дёргала их, презирая их чрезмерную схожесть с отцом. Наверное, я ужасная мать, но единственное, что меня радовало, это мысль о Луизе.

Когда днём мы вышли из квартиры, и я запирала замок, я услышала шорох где-то в другой стороне лестничной площадки. Я моментально обернулась, так как мой старший сын заухал словно сова. Он внимательно смотрел на Луизу, которая смотрела на него и мягко улыбалась. Было приятно уви-

деть её искренний интерес, но в следующий момент я поняла, что интересуется её не мой сын, а игрушка в его руках – привезенный нами из Германии мягкий котёнок. В эту секунду я поняла, что Луиза любит животных, а именно котов. Это показалось мне очень милым, ведь я сама испытывала слабость к милым пушистым созданиям. Луиза показалась мне в этот момент мягкой, доброй и беззащитной, поэтому я замерла. Я боялась пошевелиться, но в следующую секунду пошевелился мой сын. Он протянул руку, в которой сжимал котёнка, и произнёс:

– Тётя, он вам нравится?

Луиза не кивнула, она стояла молча и просто смотрела на игрушку, но что-то всем подсказало, что ответ положительный. Именно поэтому мой сын неуверенно сделал шаг вперёд, продолжая протягивать игрушку:

– Тётя, забирайте. Теперь он Ваш.

Луиза не знала, как правильно отреагировать на поступок моего сына. Она перестала улыбаться и в растерянности смотрела на него, а затем спросила:

– Правда?

За столько времени я впервые услышала, как она обращается к кому-то, и я не смогла устоять перед возможностью услышать её голос ещё. Я подошла к сыну, положила руки ему на плечи и произнесла, глядя на Луизу:

– Этот котёнок Ваш, Луиза.

Она не ожидала услышать своё имя, ведь в любом слу-

чае официально мы не были знакомы. Она в растерянности смотрела на меня, явно оскорблённая тем, что я не учла требования этикета. Сложно говорить об этикете и Луизе, так как эти два слова совершенно никак не связаны. Особенность Луизы приводила к тому, что она нарушала этикет так же часто, как вдыхала, но при этом от окружающих она явно ожидала большей учтивости. Осознание этого резануло меня, и я не пошевелилась, продолжая смотреть на неё в упор. Я и не собиралась уводить взгляд, пусть понимала, что Луизе он болезнен. Не быстро, но она всё же смогла вернуть себе контроль над своими чувствами. Не убежала, не спряталась, а выдержала мой взгляд – Луиза начинала мне доверять, а значит, и моим детям. Она всё же вновь глянула на котёнка в руках моего сына и тихо сказала:

– Тебе он нужнее.

Я была удивлена её словами, но не удивлена, когда она, не поднимая на меня взгляд, молча сбежала вниз по лестнице и вышла на улицу. Мой сын был в замешательстве, он плохо понимал, почему же наша соседка не забрала котёнка, раз он ей понравился. Позже я подумала, что лучше бы Луиза забрала эту игрушку, когда через несколько дней нашла её под кроватью младшего ребёнка, полностью изрезанную ножницами. Игрушка была такая реалистичная, это был голубоглазый серый котёнок, он всегда мне нравился и вызывал нежное чувство, поэтому, когда я доставала из-под кровати серые мягкие ошметки, мне показалось, словно я достаю труп-

ные остатки настоящего котёнка, которого нещадно убили жестокие детские руки. Я смотрела в глаза-пуговицы и чувствовала, как у меня наворачиваются слёзы.

Лучше бы его забрала Луиза, ведь моим детям он оказался не нужен.

Когда мы вышли на улицу, дети побежали в песочницу. Старший сын кричал, что построит самый большой песочный замок в мире – ночью был дождь, и в воздухе чувствовалась влага, поэтому песок в этот день был тяжёлым и липким. Мои дети упали на колени и принялись за строительство, я наблюдала за ними по дороге к скамейке. И только когда я всё же решила глянуть, вышла ли гулять какая-нибудь другая молодая мама, как увидела на скамейке Луизу. Она явно ждала меня. Смотрела на меня из-под своих длинных чёрных ресниц, а на её лицо падала тень от козырька берета. Сегодня было прохладно, лето сходило на нет, но Луиза была одета так, словно был не первый зимний день. Ветер развивал конец её синего вязанного шарфа.

Я дошла до скамейки – шла я размеренно, не желая показывать свою заинтересованность, а она явно с трудом терпела желание вскочить и убежать. Ей явно требовалось огромное усердие, чтобы обратиться ко мне, а когда я подошла, она так распереживалась, что смогла только сказать:

– Здравствуйте, – словно мы не виделись только что в подъезде.

– Здравствуйте, – ответила я и села на скамью.

Она не смотрела на меня, она опустила голову и стала разглядывать свои зимние ботинки. И я решила заговорить первой, так же начав рассматривать её не по сезону тёплую обувь:

– Я заметила, что ты всегда одета слишком тепло. Ты, наверное, часто мёрзнешь?

Луиза не подняла головы, она вдруг вся сморщилась, затем зажмурилась и стала часто дышать, словно на неё напала ужасная усталость. Я думала, что она и руки сожмёт в кулаки, но она замерла в попытках успокоить дыхание. Ей было страшно, это было понятно, но что именно её пугало – для меня отчасти было загадкой. Она боялась людей, настолько, что даже приветствие давалось ей с большим трудом, а сейчас она явно хотела сказать что-то помимо этого. И я ждала. Я увела взгляд, посмотрела, чем заняты дети, а затем принялась разглядывать цветы, которые росли перед нами в клумбе. Я пыталась не слушать, как она дышит, так как от шума сбитого дыхания волнительно становилось и мне, словно что-то случилось, и она собирается с силами, чтобы сказать мне об этом. Сердце моё понеслось с такой скоростью, словно я пришпоренная лошадь, но я очень старалась контролировать свои эмоции. Я понимала, что если позволю себе проявление чувств, то только сильнее напугаю Луизу. И когда я уже была на грани, и с губ хотел сорваться тяжёлый вздох, она вдруг шумно втянула воздух через рот, резко открыла глаза и выпалила:

– Вы ведь из Англии? Верно? Вы хорошо горите по-английски. Научите меня английскому, пожалуйста.

Я невольно перевела на неё взгляд, плохо понимая, что мне не померещилось. Луиза вся сжалась и смотрела в землю, и я ответила ей:

– Хорошо. Я с радостью буду учить тебя английскому.

Мой ответ явно её удовлетворил, но было видно, что легче ей от этого не стало. Я понимала, что она думала потом, что теперь ей необходимо поддерживать со мной общение. И что для неё окажется важнее – отсутствие контактов с людьми или изучение английского?

5 глава

Луиза по-настоящему удивила меня. Когда её дыхание выровнялось, а земля перестала казаться ей интересной, она подняла на меня взгляд, широко улыбнулась и, забыв сказать спасибо, она вскочила со скамейки и убежала обратно в дом. Тем же вечером мы всем домом слушали её пластинки, все песни были исключительно на английском языке. Я относилась к этому с пониманием, ведь она была действительно рада, что у неё появился учитель, но мой муж (ему я ничего рассказывать не стала) был очень недоволен громкой музыкой.

– Я пришёл домой, желая отдохнуть! – ругался он, пока я мыла посуду. – Но нашей сумасшедшей соседке нет ни до кого дела! Ты слышала, что говорят о ней наши соседи? Не знаю, что обсуждается женщинами, но я разузнал, что твоя ненаглядная Луиза любит каждого встречного мужчину.

Услышав это, я не сдержала усмешку, понимая, как это далеко от правды, ведь Луиза, которая так боялась людей, навряд ли когда-нибудь хотя бы просто гуляла с молодым человеком за руку.

Моя реакция моему мужу не понравилась. Он наклонился над столешницей и попытался заглянуть мне в лицо, он прищурился, желая понять, ни над ним ли я смеялась. Но я делала вид, словно не заметила никаких перемен в его по-

ведении. Я выключила воду и принялась вытирать посуду, а мой супруг, удостоверившись, что я не смеюсь, заговорил дальше:

– Один из соседей сказал, что она даже не берёт за это плату. Всё делает из исключительного собственного интереса.

И тут я не выдержала и подняла на мужа взгляд, понимая, что это самая настоящая наглая клевета.

– Откуда ему знать? Сам пользуется её любвеобильностью? А ты сам случайно не задумываешься об этом? И вообще! Как смеешь ты обсуждать со мной такие похабные вещи?

Говорила я слишком эмоционально, да и не стала контролировать свой взгляд, поэтому догадалась, что он был холоднее льда и острее тысячи кинжалов, поэтому реакция моего мужчины была вполне ожидаема. Он даже не стал ничего отвечать, он заглянул мне в глаза, чтобы удостовериться в том, что я не сошла с ума, и, убедившись в моем психологическом здравии, дал мне звонкую пощёчину. Я знала, что поплачусь за свой длинный язык и несдержанность, поэтому сделала вид, словно ничего не произошло. Немного поправила растрепавшиеся волосы и продолжила вытирать посуду полотенцем. Мой муж поступил точно также. Он открыл холодильник, достал графин с водой, стакан и налил себе попить, после чего продолжил:

– Я устал от мяса по-французски, приготовь завтра что-

нибудь другое. Ты, по-моему, так увлеклась нашей соседкой, что совсем забыла про свои основные обязанности.

Я промолчала. Даже не подняла на него взгляда, продолжая вытирать тарелки, и только убедилась в том, что ему не следует знать о моих уроках английского языка.

Я знала, что Луиза не сможет войти в нашу квартиру, а меня не впустила бы к себе. Я догадывалась, что первый наш урок пройдёт на улице, но это был не плохой вариант. Дети смогут играть в песке, а я – учить Луизу.

На следующий день, когда мы с детьми, выходили гулять, я постучала в её дверь – подала знак, чтобы она выходила, и стоило мне сесть на скамью во дворе, она появилась в дверях подъезда. Обеспокоенная, не расчёсанная, в красной клетчатой юбке и чёрной блузке, она быстро направилась в мою сторону. Мне хотелось улыбнуться, такой приятно забавной она казалась со стороны. Её походка всегда удивляла меня. Женщин учили ходить ровно, от бедра, легко и изящно двигаться. А Луиза шла так, словно к её ботинкам привязали наковальни – шаги были тяжёлыми, резкими, с сильными выпадами вперёд. Это было похоже на марш, но только очень неумелый.

Она села рядом и, не переводя на меня взгляд, дёрнула головой – кивнула в знак приветствия. И я ответила:

– Hello, Luisa. How are you?

И она неуверенно ответила мне, сделав множество ошибок, но я аккуратно поправила её, ещё не зная, как она отреа-

агирует на это. Но она не обижалась и не оскорблялась моими замечаниями и правками. Она выглядела как измождённый жаждой путник, внимала каждое моё слово и повторяла их, запоминая правильное произношение. Начали мы с простых слов, которые чаще всего используются в обиходе.

Она показывала удивительные способности к изучению английского, и, когда я её похвалила, она широко улыбнулась и заглянула мне в глаза. Я больше не видела перед собой перепуганную собаку, теперь передо мной сидела счастливая, молодая женщина. И я улыбнулась ей в ответ.

Когда пришло время расходиться по домам, она пожала мне руку. Это было моё первое прикосновение к её тонкой, мягкой и тёплой коже. Ладонка же её оказалась совсем крохотной, не на много больше чем рука моего старшего сына. Пальцы были совсем тонкие, и я подумала, что ей было бы неплохо научиться играть на фортепиано. Я бы могла и этому её научить, если бы сама умела. И, шепнув мне напоследок: "До завтра!", – она убежала к себе.

Мои дети уже знали, что про "тётю Луизу" дома говорить нельзя. Они понимали это несмотря на то, что я этот запрет не озвучивала, поэтому, когда домой вернулся муж, вечер ничем не отличался от предыдущих. Он поинтересовался, чем я занималась днём, и я пересказала ему вчерашний – какая разница, ведь у домохозяйки один день повторяет другой? И он поверил мне, а потом принялся за ужин. Не желая изменять своим привычкам, он прокомментировал вкус

еды. Ему показалось мало перца, а вот соли – слишком много. С оскорблённым видом он оттолкнул от себя тарелку, заявил мне, что я отвратительная хозяйка, и что любой другой мужчина уже выставил меня с позором за порог. Я молча слушала, внутри меня это ничего не трогало. За столько лет брака я покрылась железным панцирем, все его выпады в мою сторону уже не были способны спровоцировать меня на эмоции, и понимание этого только сильнее раздражало его. Охваченный негодованием, он вскочил со стула, схватил тарелку и швырнул её в стену. В этот момент я подумала лишь о том, что теперь весь дом будет знать о сумасшедшем характере моего мужа. Наверное, он подумал об этом же, потому что вдруг крикнул: "Дорогая, ты не ушиблась? Понесла ж тебя нечистая сила поставить тарелки именно на верхнюю полку!". После этого он вышел из кухни и ушёл в нашу спальню. Спектакль был окончен, и я принялась за уборку, всё же не сдержав слёз от обиды. Казалось, мой муж существовал только для того, чтобы отравлять мне жизнь.

6 глава

На следующий день, как и последующий, мы вновь встретились с Луизой во дворе. Я продолжала учить её английскому языку, а вечером уворачивалась от своего мужа, который, как казалось, с каждым днём впадал в большее бешенство. Он был явно чем-то недоволен, чем-то раздражён, но я не связывала это с Луизой, он не мог знать о нашей с ней дружбе – рассказать об этом ему было просто некому, так как в отличие от меня он не любил общаться с соседями и пользоваться любой возможностью избегать их.

После трёх занятий подряд, на чёртовый день, Луиза не вышла. Я поняла, что она устала и от занятий, и от постоянного общения со мной и не стала заходить к ней.

Мы с детьми были во дворе одни. Они играли в песочнице, я наблюдала за ними со скамьи, когда ко мне вдруг подошла одна из соседок. Именно с ней я общалась, когда в первый раз увидела Луизу. Она рассказала, что скоро у её сына день рождения, и она приглашает моих сыновей на их детский праздничный обед. Меня это очень обрадовало, и я дала своё согласие. Когда наступил этот день, я поняла, что причины сидеть во дворе у нас с Луизой нет, и, словно понимая это сама, она пригласила меня к себе. Мы решили позаниматься как раз пока мои дети в гостях.

Какой вы себе представляете квартиру Луизы? Я на са-

мом деле ни капли не удивилась, когда переступила порог. Это была небольшая, двухкомнатная квартира с вместительной кухней. Очень светлая и уютная. Мебель была из светлого дерева, на окнах были голубые с белым занавески. В кухне винительный, тяжёлый круглый стол с большим количеством стульев, словно здесь часто собираются дружные компании. В узком коридоре между кухней и ванной комнатой стоял аккуратный туалетный столик, на нём духи, крема, гребешки для волос – классический уголок любой женщины. В спальне было темно, кровать скрывалась за плотной шторой, но зато спать, вероятно, было там очень удобно – никогда не мешал солнечный свет. В ванной был хороший ремонт, и я с завистью разглядывала не протекающий смеситель. Но самое главное – в квартире был изумительный порядок, и я с удивлением заметила, что она замечательная хозяйка. Пусть она жила одна, холодильник её не был пуст, на выбор было несколько сортов чая, даже имелся кофе, который она, как я предполагаю, не пила. Я была поражена, так как никто бы не подумал, что у Луизы на самом деле такой организованный быт.

Заметив мой восхищённый взгляд, Луиза начала наблюдать за мной и слабо улыбалась, поглядывая на меня из-под бровей, словно пыталась маскировать свой интерес под случайные взгляды.

Я прекрасно понимала, что попала в малочисленный список людей, которые были в её квартире. Луиза относилась к

своему жилью с тем же пиететом, как и к своему личному пространству. И я старалась не создавать конфликтных ситуаций. Войдя в кухню, я села за стол, и просто спросила:

– Мы можем позаниматься тут?

– Да, – коротко ответила она, кивнув, и бросив на меня взгляд, в котором я прочла лёгкое недоверие и сомнения. Она словно одним взглядом спросила: "Ты ведь тут ничего не сломаешь и не испортишь, верно?". Я бы сказала, что подобные подозрения Луизы были для меня оскорбительны, но я пропускала их мимо. Я понимала, что страхи девушки субъективны, настоящей причины у них нет, и она сама плохо понимает, чего боится, поэтому считала, что и обижаться на них пустое дело.

– Ты сядешь рядом или предпочтёшь стоять? – спросила я, и она невольно поёжилась, словно я угадала её мысли. Вероятно, в этот момент она сама думала над этим вопросом. В итоге она села напротив меня, между нами была бесконечная столешница – нам надо было обеим вытянуть руки, чтобы соприкоснуться кончиками пальцев.

Я одобрительно кивнула и решила начать занятие. На самом деле я не могу назвать себя честным человеком, ведь помогая Луизе изучать английский, я удовлетворяла своё удовольствие. Я задавала вопросы на случайные темы, которые интересуют меня, а Луиза на ломаном английском, с моими подсказками и исправлениями, отвечала. Таким образом я узнала, что у неё есть родители, которые живут в Париже.

Луиза не смогла жить в таком большом городе из-за своей особенности, поэтому ей было позволено жить в маленьком городке, в квартире её покойной бабушки. Несмотря на это, Луиза регулярно ездила в Париж, она навещала родителей, жила у них даже некоторое количество времени, а когда уставала от шумной столицы возвращалась домой.

Наверное, так на Луизу влияло наше нахождение именно на её территории. Здесь она казалась смелее, и даже попыталась пошутить на английском, после чего мы неуверенно, несколько скованно посмеялись.

У неё дома она казалась мне другим человеком. Более смелой, более открытой, но всё равно аккуратной, словно что-то внутри неё всё равно не разрешало ей терять голову и нырять в общение со мной. Но мне было достаточно и того уровня общения, которое мы достигли на тот день. Я знала о ней больше чем кто-либо из нашего дома, ко всему она доверяла мне и была благодарна за уроки русского языка. По ней это было видно.

После урока она предложила мне чай, дала самую красивую чашку из буфета и даже позволила себе подсесть ко мне ближе. Между нами теперь был один стул, и я считала, что садиться ближе ей и не нужно. Это была комфортная дистанция для нас обеих. Не знаю, как правильно это описать, но за время общения с Луизой я начала заражаться от неё смущением и неуверенностью, ко всему они проявлялись только в её адрес. У Луизы получилось создать между нами особую

атмосферу, которая была непонятна мне тогда и непонятна сейчас. Она была младше меня, но ощущение было, словно мы два подростка, которые хотели научиться общаться со сверстниками, не имея никакого опыта общения за спиной. Луиза была бесконечной загадкой, которую я никогда бы не разгадала. В тот момент в кухне я это поняла – она абсолютно отличается от других и никогда не сможет общаться со мной так же легко и непринуждённо как другие. Её нелюдимость создавала вокруг неё непроницаемый купол. И я понимала, что не имею права пытаться этот купол с неё снять. Это напугало бы её и принесло бы ей настоящую боль.

Мы пообщались на английском и французском ещё немного, Луиза даже набралась смелости и сделала замечания по поводу моего произношения на французском языке. Этот язык не был мне родным, я изучала его когда-то со своей няней, а перед переездом – занималась со самоучителем, и я понимала, что мой французский сложно было назвать отличным.

Вечером, когда мы с детьми уже были дома, они не могли говорить ни о чём другом кроме как о дне рождения, а я ни слова не проронила про Луизу, но разговор о ней вдруг начал мой муж.

Мы сидели за столом, он резал мясо в своей тарелке, и, не глядя на меня, заговорил:

– Говорят, ты дружишь с нашей сумасшедшей соседкой. Видели, ты заходила к ней.

– Кто говорит? – спросила я и решила не говорить правду. – Я весь день провела дома. Отвела детей на праздник, а сама занялась уборкой дома и готовкой.

Мой супруг отложил нож и всё же поднял на меня взгляд. Но говорить что-то он не стал. Он выглядел слишком задумчивым, в его голове явно зрела мысль, и ему всё равно, была ли я сегодня у Луизы или нет. Он думал о совершенно другом.

7 глава

На какой-то период жизнь остановилась. Я занималась домом, детьми, мы стали реже гулять – причиной всему была подкрававшаяся осень. И я практически перестала видеть Луизу. Когда я выходила на лестничную клетку и запирала дверь, то спешила обернуться, чтобы посмотреть, не вышла ли она, но никого не было. Муж мой никогда не начинал и не поддерживал разговоры о Луизе, и мысли о ней меня плавно покидали. Я понимала, что у девушки может быть своя жизнь, ко всему она могла и уехать вновь в гости к своим родителям. Я бы, наверное, так и подумала, если бы однажды ни громкий стук в мою дверь.

Я готовила в тот момент. Старший сын под моим контролем читал в слух что-то из своих детских книг, а младший рядом на полу возился с машинкой. Я вся в муке, в тот день как назло не получилось тесто, а муж просил булочки с корицей. И словно гром среди ясного неба – неистовый стук в нашу дверь. Хотя можно было воспользоваться и звонком. Отряхнув руки, я вышла из кухни. Довольный этим сын сразу же перестал читать и спрыгнул со стула к младшему брату на пол.

В прихожей я глянула в глазок и увидела женщину, которую никогда до этого не встречала, но которую моментально узнала. Я открыла дверь без лишних слов. Передо мной сто-

яла взволнованная женщина, тучная, шляпка съехала на бок, у левого глаза размазалась стрелка, на лбу выступил пот, и в глазах я увидела знакомый ужас – это была мать Луизы.

– Добрый день, прошу прощение за беспокойство. Я мать Вашей соседки, Луизы. Возможно, Вы знакомы с ней. Дело в том, что она пропала. Вы не знаете, где она может быть?

Я замерла. А потом вдруг сделала уверенный шаг вперёд, прошла через лестничную клетку нашего этажа и уверенно дёрнула ручку двери квартиры Луизы, а потом кулаком ударила по ней, словно Луиза все эти дни просто крепко спала, и сейчас она обязательно проснётся.

– Вы уверены, что она пропала? – я обернулась к женщине, понимая, что обязана всё выяснить. – Не могла ли она куда-нибудь уехать?

– Луиза? Уехать? – женщина горько усмехнулась. – Луиза может посещать только нас, ни друзей, ни других близких у неё нет и не было. Видите ли – она очень сильно боится людей.

– Я знаю, – тихо ответила я и вновь постучала в дверь, а потом наши взгляды с женщиной пересеклись, – нам необходимо взломать дверь!

– Что Вы!?! – женщина покачнулась, разводя руками в ужасе от моего предложения. – Если бы Луиза была внутри, она б уже открыла матери.

Я не стала ничего отвечать. Дверь нам так и не открыли, а это могло значить, что либо Луизы нет внутри, либо она не

может её открыть. Но если она не кричит и не подаёт других признаков того, что ей нужна помощь, то, вероятно, мы бы обнаружили в квартире её труп. Вообще всё, что касается смерти, трупов и крови всегда вызывало у меня страх, сердце сжималось с такой силой, что было невозможно вдохнуть. Но тогда я не испытывала ничего кроме решительного желания выяснить, где Луиза, и что с ней случилось.

Игнорируя вопросы женщины, я вернулась к себе в квартиру. Старший сын стоял в прихожей и явно не верил глазам – он никогда до этого не видел меня наполненную такой уверенностью. Я прошла к гардеробной, открыла ту часть, где муж хранил свои инструменты и достала оттуда лом. Спроси меня сейчас, как я это сделала, и я вам не отвечу, но в тот момент каким-то образом я смогла с помощью лома приподнять дверь и снять её с петель.

Я уже была в этой квартире, знала, как она обустроена, поэтому с видом часто бывавшего тут гостя побежала обследовать комнаты, одновременно зовя Луизу по имени. Её мать последовала моему примеру, но мы так никого и не нашли. А увиденное только лишь убедило меня, что всё совсем нехорошо. На косметическом столике лежала неубранная после явно поспешных сборов тушь, в гардеробной был лёгкий беспорядок – словно Луиза до последнего не могла определиться какие всё же туфли она хочет надеть. На спинку стула в кухне был брошен жёлтый плащ, значит, она ушла в другом – небесно-голубом. Но вот только куда и с кем

она ушла?

И тут начались материнские слёзы. Женщина упала на пол, прижимая к груди плащ и закричала: "Боже, где же моя девочка?". Смотреть на это было невозможно, но и оставить женщину в таком состоянии я не могла. Я помогла ей подняться, мы сели за стол, я даже налила нам чай, и стала успокаивать её и выяснять, что же могло сподвигнуть Луизу собраться и уйти в неясном направлении? Но она не могла ответить ни на один мой вопрос, так как была полностью уверена в нелюдимости своей дочери.

В итоге мы распрощались, и я вернулась домой. Мои дети воодушевлённо общались о том, что "мама прям как папа, сильная", и я испугалась, что мой муж узнает то, что знать ему не следует. И я настрого запретила им говорить об этом, иначе оба лишатся своих любимых игрушек. Это повлияло на них, и оба обиженные ушли в детскую, пока я пыталась исправить ситуацию и хоть что-то приготовить к моменту возвращения моего мужа домой.

Он вернулся злой, явно чем-то накрученным. Накричал на меня из-за отсутствия дома достаточного для него количества еды, но я пропустила это мимо ушей, а потом вдруг спросил:

– А что с дверью соседки?

Я испугалась, что ответить ему поспешат воодушевленные моей силой дети, но они молчали, поэтому я соврала:

– Приезжала полиция, Луиза в розыске. Сегодня я узнала,

что она пропала.

– Пропала? – переспросил он. – Ну, эта чудачка могла и уехать никому ничего не сказав.

– Это не в стиле Луизы, – ответила я, включая воду и начиная мыть посуду, я очень не хотела, чтобы мой муж видел моё лицо, я хотела, чтобы он лишь слышал мой голос, – полиция предполагает, что она могла быть убита. Но вот только какой смысл её убивать?

Не знаю почему, но я была настроена против своего мужа. Я была предубеждена. Он был склонен к насилию, он был агрессивен, не сдержан. А я очень хотела узнать, где Луиза, и что с ней произошло.

– И ты веришь полиции? – спросил он, явно желая знать мои истинные мысли.

– Не знаю, – я пожала плечами, – возможно, ты и прав, возможно она уехала.

И в этот момент я оглянулась на мужа через плечо, а тот, глянув мне в лицо, сказал:

– Мы скорее всего скоро уедем. На работе сегодня подняли тему о моем очередном переводе. Во Франкфурте необходим специалист, и центральное руководство считает, что я мог бы с этим справиться.

– Ох, мой дорогой, – выдохнула я, – ты такой незаменимый специалист, один единственный на всю Европу. Как же будет Франция без тебя, когда мы уедем в Германию?

– Им придётся как-то приспособиться, – ответил мой муж,

встал со своего места и вышел из кухни.

8 глава

Луиза пропала. И я всё время думала о том, где она может быть, и жива ли она вообще. Свои мысли я иногда озвучивала, когда они проедали меня насквозь, и я понимала, что больше не могу молчать. Я предполагала, где она может быть, фантазировала и расписывала различные ситуации, которые могли произойти. Муж в такие моменты багровел от гнева и заявлял: "Хватит обсуждать её, лучше начинай собирать вещи, ты же помнишь – мы скоро уезжаем!". И мы действительно скоро уехали. Примерно через пару недель.

Накануне приезжали полицейские, они задавали вопросы. Они обошли всех соседей, дошли и до нас. Супруг разговаривать с ними категорически отказался, сообщив им, что с сумасшедшими водиться не привык, а именно такой весь дом Луизу и считал, а поэтому и сказать про девушку ему нечего. Я же рассказала о ней всё, что знала. Тогда меня и похвалили за недюжинную силу, когда выяснилось, что это именно я сняла дверь с петель. Благо этого не слышал мой муж, который заперся в нашей квартире как в бункере и отказывался выходить. Полицейские изучили всю квартиру Луизы, где-то сняли отпечатки, много фотографировали. Но ничего конкретного сказать не смогли. Пока они расхаживали по её квартире словно посетители музея, я всё же попыталась что-то выяснить у одного из полицейских. Он наблюдал

за работой других с очень сосредоточенным видом, я подошла к нему и заговорила:

– Месье полицейский, у вас есть догадки? Мы с Луизой были хорошими друзьями, и я переживаю.

– Как только что-то станет известно, мадам, Вам сообщат, – сухо и холодно ответил он, и я разочарованная вернулась домой, где мой разгневанный муж ходил по квартире и возмущался тем, что полиция тратит своё время не то – сумасшедшая девочка просто куда-то уехала, а из-за своей нелюдимости просто об этом ничего не сказала. Я не стала с ним спорить, я просто сказала, что очень устала и ушла в детскую, где легла на их маленький диван и заплакала. Сил держать всё в себе у меня уже не осталось. Сыновья видели, как я плачу, но решили оставить это без внимания. Каждый занимался своим делом.

А на следующее утро мы отправились на вокзал и уехали в Германию.

Меня сжирало тогда дикое желание остаться, выяснить, что же случилось с Луизой, но судьба предпочла оставить меня без этой информации. Я больше никогда в жизни не видела Луизу и никогда ничего о ней не слышала. Прошло уже много лет, мой младший сын поступил в университет, а я всё думаю о том, что же случилось с боязливой девочкой из квартиры напротив.

Уже во Франкфурте я пыталась навести справки, узнать, что выяснила полиция, но мой муж жёстко пресекал мои по-

пытки выйти на связь с мамой Луизы или с нашими бывшими соседями. Это каждый раз сильно ранило меня, но он был непреклонен. Он требовал от меня большой вклад в воспитание детей и ведение хозяйства, моя голова должна была быть заполнена только этим, а не мыслями о Луизе. Наш брак изначально было сложно назвать счастливым, а после моего знакомства с Луизой всё понеслось в тартарары с огромной скоростью. Доставалось не только мне, но и нашим детям. Мой муж мог прийти домой нетрезвый, шатаясь и возмущаясь, он мог сломать что-то из мебели или разбить стекло в двери, зеркало на стене, а потом ударить и меня. Просто так, потому что я попала под горячую руку. Детям доставалось в случае непослушания, и это были жестокие расправы. Я терпела это какое-то время, но после того, как общество стало терпимее к разводам, я высказала своё желание супругу. Я очень хотела с ним разойтись. И он согласился. Выставил меня за порог, заявив, что теперь я никому не буду нужна и не смогу обеспечить себя сама. Сыновья заняли его сторону и отказались от жизни со мной. В тот момент мне очень захотелось вернуться во Францию, в дом, где мы жили и всё же разузнать о жизни Луизы, но средств на это у меня не было. Старший брат купил мне билет до Лондона и приказал возвращаться домой в Англию. И я, долго не думая, вернулась на родину, в дом моих родителей, который всё это время пустовал. С трудоустройством было сложно, но в итоге я смогла стать пекарем в одной из булочных, что обеспечивало мне

хорошую жизнь.

И, казалось бы, прошло столько лет. Я уже совершенно другой человек, и даже память начала подводить, но я всё ещё помню её, и хочу всё же узнать, что с ней случилось? Что случилось с Луизой?